Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 533–569
DOI 10.30842/alp2306573716317

Несколько наблюдений над основами ненецкого глагола*

С. Г. Татевосов
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Московский педагогический государственный университет;
tatevosov@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается несколько наблюдений о структуре глагола в ненецком языке. В общем случае ненецкий глагол допускает выбор между несколькими способами ауслаутного оформления основы. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что это явление имеет регулярный характер, что позволяет говорить о наличии в ненецком языке четырехчленной деривационной парадигмы. Элементы этой парадигмы характеризуют не только ненецкие непроизводные глаголы, но и продуктивные дериваты. Глагольные основы, полученные от разных ауслаутных вариантов, — исходная, общая финитная и основа коннегатива, — используются не только при построении финитных форм, но и в процессах дальнейшей морфологической деривации, создающей каузативы, инхоативы и т. д.

Ключевые слова: морфологическая структура глагола, структура события, деривационная морфология, каузатив, инхоатив.

---

* Статья опирается на данные по малоземельскому говору тундрового диалекта ненецкого языка в варианте, представленном в п. Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ), которые были собраны в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2003–2005 годах. В экспедициях в разные годы участвовали Лев Блюменфельд, Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Дарья Кавицкая, Екатерина Лютикова, Ирина Николаева, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Наблюдения и обобщения, изложенные здесь, стали возможны благодаря совместным усилиям всех участников экспедиции. Автор выражает искреннюю и бесконечно глубокую благодарность информантам-переводчикам А. Г. Апицыной, Е. Н. Ардеевой, М. И. Канюковой, В. П. Марюевой, К. П. Талеевой, Е. Н. Тайбарей и М. К. Тайбарею, общение с которыми навсегда останется источником надежды и оптимизма. Исследование поддержано грантом РНФ № 16-18-02081.

Notes on the structure of the verb stem in Tundra Nenets

S. G. Tatevosov
Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University;
tatevosov@gmail.com

Abstract. This paper surveys the structure of the verb stem in Tundra Nenets, focusing on stem-final elements *a*, *(y)o*, and *ø*. The latter appears in two varieties, known as "non-alternating *ø*", or "*ø*^{ˤ}", and "alternating *ø*", or "*ø*^{j}". In Tundra Nenets, the same stem can surface with more than one stem-final vowel as in *xona* / *xonyo* 'fall asleep, sleep' (*a* and *o*); *nømta* / *nømtøˤ* 'hear' (*a* and *øˤ*), *wøntar°ta* / *wøntar°tøʲ* 'bend, be bent' (*a* and *øʲ*), and so on. The goal of this paper is to establish two related empirical generalizations. First, the scope of this phenomenon exceeds by far the limits identified in the previous studies. The paper argues that the stem-final alternations are to be reanalyzed in terms of productive derivational morphology that operates on event-structural characteristics of a verbal predicate. Second, the four-way opposition created by the stem-final morphology does not only characterize non-derived verbs, but also extends to verbs with productive derivational morphology. For example, the inchoative morpheme, identified as *l(ø)* in the previous studies, features the entire array of options including, apart from (non-alternating) *løˤ*, *la, løʲ*, and *lyo*. The empirical reality of these inchoatives can be assessed by looking at the subjective and reflexive subparadigms of Aorist and, when the forms of Aorist cannot tell different options apart, at the so called connegative subparadigm. Other productive derivational morphemes of Tundra Nenets, the Durative (the *-mpø* morpheme), the Imperfective (*-nø*), the Frequentative (*-r*), and the Iterative (*-ngkø*) exhibit similar behavior: they are attested with different stem-final elements. This view of stem-final morphology makes a significant prediction. If *a*, *øˤ*, *øʲ*, and *o* are derivational morphemes rather than "vowel alternations" epiphenomenal on the formation of the form of Aorist, one can expect to find them elsewhere, that is, outside of the Aorist paradigm. This prediction is borne out: as our study confirms, verbs stems derived from the four elements of this event-structural paradigm (the basic stem, the general finite stem, and the connegative stem) are involved in further morphological derivation yielding causatives, inchoatives, and so on. Thus, for example, the verb *yakøl* 'start itching', the inchoative of *yakø* 'itch', shows the multiplicity of ways of deriving the Iterative: *yakøl-a-ngkø, yakøl-°-ngkø, yakøl-u-ngkø, yakøl-yo-ngkø, yakøl-yu-ngkø*. The stems, which the Iterative affix *-ngkø-* merges with, all come from different stem-final variants of *yakøl*: *yakøla* (cf. *yakøl-a-ngkø*), *yakøløˤ* (cf. *yakøl-°-ngkø*), *yakøløʲ* (cf. *yakøl-u-ngkø*), and *yakølyo* (cf. *yakøl-yo-ngkø* and *yakøl-yu-ngkø*). The reality of the stem-final event-structural morphology thus receives a strong empirical support.

Keywords: verb structure, event structure, derivational morphology, causative, inchoative.

1. Введение

Эта статья — составная часть проекта исследования ненецкого глагола, в первую очередь деривационной глагольной морфологии. Основная ее цель — обосновать два взаимосвязанных обобщения. Во-первых, глагольная основа в ненецком языке в общем случае возможна в комбинации с несколькими типами ауслаута, и это явление представлено в языке шире, чем принято считать. Во-вторых, дистрибуция типов ауслаута подкрепляет их анализ как самостоятельных деривационных морфем, а не (мор)фонологических чередований, сопутствующих глагольному словоизменению.

2. Некоторые морфологические факты

Согласно имеющимся описаниям, в первую очередь [Salminen 1997, 1998], ненецкий глагол демонстрирует значительное разнообразие возможных типов вокалического ауслаута основы.

Среди выделяемых типов — основы на неальтернирующий *-ø*, основы на альтернирующий *-ø,* основы на (неальтернирующий) *-a,* основы на (альтернирующий) *-o* (последний в большинстве случаев вызывает палатализацию предшествующего согласного). Каждый из типов отличается способами образования **общей** (GFS) и **специальной** (SFS) **финитной основ**, а также **коннегатива**, которые иллюстрируются в *Таблице 1* (с. 536).

Примеры глаголов на *-a*, неальтернирующий *-ø*, альтернирующий *-ø*, и *-(y)o* показаны в *Таблице 2* (с. 536).

Общая и специальная финитная основы дополнительно распределены по группам словоизменительных форм, составляющих глагольную парадигму. Согласно обобщениям Т. Салминена, аорист третьего лица единственного числа субъектного спряжения («3SGs») образуется от общей финитной основы, аналогичный аорист возвратного спряжения («3SGr») — от специальной финитной основы. В форме 3SGs показатель аориста нулевой, так что эта форма совпадает с общей финитной основой[1].

[1] О глагольном словоизменении см. также [Терещенко 1965; Salminen 1997; Буркова 2010]; типы спряжения обсуждаются в [Терещенко 1947; 1965; 1973; Körtvély 2005; Nikolaeva 2014; Ristinen 1973a; 1973b; Татевосов 2016a] и др.

Таблица 1. Диагностические формы основ с различным типом ауслаута [2]

Table 1. Diagnostic forms of stems with different stem-final elements

Ауслаут	**Аорист 3SGs** (GFS)	**Аорист 3SGr** (SFS+q)	**Коннегатив**
(неальтернирующий) a	_a-°	_e-y°-q	_a-q
неальтернирующий ø	_ø-°	_i-°-q	_°-q
альтернирующий ø	_i [3]	_i-q	_u-q
(альтернирующий) (y)o	_i	_i-q	_(y)u-q

Таблица 2. Примеры глаголов с различным типом ауслаута

Table 2. Examples of verbs with different stem-final elements

Основа	**Аорист 3SGs** (GFS)	**Аорист 3SGr** (SFS)	**Коннегатив**
xona ‘засыпать, идти спать’	*xona*-°[xona]	*xone-y°-q* [xonejʔ]	*xona-q* [xonaʔ]
yadø ‘идти, ходить ’	*yadø*-°[yadʌː]	*yadi-°-q* [jadiʔ]	*yad°-q* [jadʔ]
nyenø ‘сердиться’	*nyeni* [nʲeni]	*nyeni-q* [nʲeniʔ]	*nyenu-q* [nʲenuʔ]
xonyo ‘спать’	*xoni* [xoni]	*xoni-q* [xoniʔ]	*xonyu-q* [xonʲuʔ]

В *Таблице 1* показаны два из трех основных способов образования общей финитной основы. Основы на неальтернирующий гласный (в частности, *-a* и неальтернирующий *-ø*) используют *-ø* (редуцирующийся до -°), ср. *xona*-° и *yadø*-° из *Таблицы 2*. Альтернирующие, или «смешанные» основы (в частности, основы на альтернирующие *-ø* и *-o*) производят «замену гласного на *i*» [Salminen 1998: 532], как *nyeni* и *xoni.*

[2] Здесь и далее мы придерживаемся следующих принципов представления материала. Отдельные ненецкие слова и морфемы приводятся в словарной форме по [Терещенко 1965] и/или в записи Т. Салминена, заключенной в фигурные скобки, например, *мадӑр(ць)* {madør}. Примеры предложений, такие, как (3) и далее, состоят из четырех строк: фонетической записи, фонематической записи, которая следует принципам и описательным решениям Т. Салминена [Salminen 1997, 1998], подстрочной поморфемной глоссы, русского перевода. Фонетическая запись опирается на описание фонетики исследуемого говора, предложенное в [Kavitskaya, Staroverov 2010].

[3] В альтернирующих основах на заднеязычный *i* систематически реализуется как [u], см., в частности, [Урманчиева 2013]. Эти случаи далее особо не оговариваются.

Третий способ образования общей финитной основы, который не показан в *Таблице 1*, характерен для основ на согласный: они присоединяют показатель *-ŋa* {nga}.

Специальная финитная основа, наблюдаемая в форме аориста 3SGr из *Таблиц 1–2*, от основ на *-а* образуется с помощью суффикса *-уø,* от основ на неальтернирующий *-ø* — «заменой конечного гласного на *i-ø*», у альтернирующих основ совпадает с общей финитной. В результате аорист 3SGr от основы с неальтернирующим *-ø* (например, *yadi-°-q* [jadiʔ] из *Таблицы 2*) фонетически совпадает с аористом от альтернирующих основ (*nyeni-q* [nʲeniʔ]). Первые имеют в исходе {i-ø}, в котором *ø* редуцируется до °, и цепочка фонетически реализуется как [i]. Вторые имеют [i] в ауслауте с самого начала. Кроме того, у основ на *-а* наблюдается дополнительное чередование — переход *-а* в *-е*, как у *хопе-у°-q.* К специальной финитной основе в аористе 3SGr присоединяется показатель третьего лица *-q*.

Коннегатив — глагольная форма, которая используется при образовании отрицательных финитных форм, состоящих из отрицательного вспомогательного глагола, принимающего лично-числовое согласование, и как раз-таки коннегатива лексического глагола. Показатель коннегатива присоединяется к исходной основе. У основ на альтернирующий гласный (*пуепи-q* и *хопуи-q* из *Таблицы 2*) дополнительно происходит замена этого гласного на *-и*.

Неальтернирующий *-ø* мы будем далее обозначать как «øᴧ», а альтернирующий — как «øⁱ» — по ауслауту аориста субъектного спряжения.

Мы подходим к наблюдениям, которые составляют предмет обсуждения в этой статье. Значительное количество основ допускается более чем с одним типом ауслаута. Несколько характерных пар из [Терещенко 1965] приводятся в (1)–(2):

(1) **Основы на (альтернирующий или неальтернирующий) *ø* vs. основы на *а***

a.	*сыритӑ(сь)*	{siryitø}	‘быть заснеженным, быть покрытым снегом’
	сырита(сь)	{siryita}	‘наполнить, набить что-либо снегом’
b.	*сяклӑ(сь)*	{syak°lø}	‘быть прикушенным, зажатым, прищемленным’
	сякла(сь)	{syak°la}	‘впиться чем-л. во что-л’.

c.	*сындӑ(сь)*	{sintø}	‘заниматься тем, что доставать продукты из продуктовой нарты’ = ‘использовать запас’
	сында(сь)	{sinta}	‘отложить про запас’

(2) **Основы на *о* vs. основы на *а***

a.	*хонё(сь)*	{xonyo}	‘спать’
	хона(сь)	{xona}	‘идти спать, ложиться спать’
b.	*патдё(сь)*	{pat°dyo}	‘быть в чехле (о ружье)’
	патда(сь)	{pat°da}	‘положить ружье в чехол, зачехлить’

Как видно уже из этих примеров, различия в ауслауте основы имеют семантические последствия. Это показывает, что в случаях (1)–(2) уместно говорить не столько об «ауслауте», сколько о деривационно-морфологическом процессе, воздействующем на событийную структуру предиката. А. Ю. Урманчиева, которая рассматривает чередования в ауслауте как компонент процесса построения формы аориста, отмечает, в частности, что аористы, имеющие в ауслауте *-i* (т. е. такие, как *пуени* и *хони* из *Таблицы 2*), представляют собой «стативы различных типов» [Урманчиева 2013]. (Речь в статье А. Ю. Урманчиевой идет об аористах субъектного спряжения.) Примеры глаголов из (3)–(4) подтверждают это: аорист субъектного спряжения глагола *хонё(сь)* {xonyo} в (3) описывает состояние ‘спать’, а глагола *сяклӑ(сь)* {syak°lø} в (4) — состояние ‘быть прикушенным, зажатым, прищемленным’:

(3) *wasʲa* *xoni.*
wasya xoni
Вася спать.GFS.3SGS
‘Вася спит’.

(4) *noxoʔ* *ŋeda* *jaŋgoxod* *sʲakli.*
noxo-h nge-ta yango-xød° syak°li
песец-GEN нога-3SG ловушка-ABL прищемляться.GFS.3SGS
‘Нога песца зажата капканом’.

Перед нами возникает ясная эмпирическая задача: построить более полную сумму обобщений о возможных «ауслаутных чередованиях» и их дистрибуции.

3. Парадигма в одном примере

Составить полное представление об этом явлении мешают сразу несколько факторов. Во-первых, словарные данные Н. М. Терещенко (и тем самым Т. Салминена, который в большой степени опирался на ее словарный материал), как показало наше полевое исследование, во многих отношениях существенно неполны. Во-вторых, описанию глаголов, различающихся ауслаутом, мешает значительный фонетический синкретизм в парадигме, затрудняющий идентификацию форм аориста как относящихся к той или другой лексеме.

Синкретизм показан в *Таблице 3*.

Таблица 3. Фонетическая форма основ с различным типом ауслаута

Table 3. Phonetic shape of stems with different stem-final elements

Ауслаут	Аорист 3SGs	Аорист 3SGr	Коннегатив
(неальтернирующий) -a	_a-° **[a]**	_e-y°-q **[ejʔ]**	_a-°-q **[aʔ]**
неальтернирующий -ø^	_ø-° **[ʌ:]**	_i-°-q	_°-q **[ʔ]**
альтернирующий -ø^{i}	_i **[i]**	_i-q **[iʔ]**	_u-q **[uʔ]**
(альтернирующий) -o	_i	_i-q	_(y)u-q **[(ʲ)uʔ]**

Как видно из таблицы, аорист субъектного спряжения не различает глаголы с альтернирующим *-ø^{i}* и *-(y)o*. Еще более значителен синкретизм в возвратном спряжении, где глаголы на *-a* противопоставлены всем остальным. Хотя аорист 3SGr у глаголов с неальтернирующим -ø^ (_i-°-q) морфологически отличается от аналогичной формы от глаголов с *-ø^{i}* и *-o* (_i-q), их фонетическая реализация идентична: [iʔ].

Последовательно четыре возможности разводятся лишь в коннегативе, так что именно эту форму надо принимать к рассмотрению, чтобы определить точный инвентарь ауслаутных противопоставлений.

Дополнительные сложности в анализе глаголов с разными типами ауслаута возникают из-за того, что большинство парадигм реализует лишь какое-то подмножество возможностей из *Таблицы 3*, зачастую очень ограниченное.

Обсудим возникающие затруднения и пути их преодоления на примере глагола со значением ‘слышать’. В [Терещенко 1965: 283] имеется единственный такой глагол — *намдӑ(сь)* {nømtø}.

Проблема в том, что словарь не дает информации о характере *-ø* у *намдй(сь)* {nømtø} — альтернирующем или неальтернирующем. *намдй(сь)* {nømtø} — один из тех достаточно многочисленных глаголов, которые допускают исключительно образование возвратного, но не субъектного или объектного спряжения (непереходных R-глаголов, согласно классификации, предложенной в [Татевосов 2016]). Возвратное спряжение показано в (5):

(5) *wasʲanʔ* *tʲor* *nʌmdiʔ.*
wasya-n°h tyor nømti-q
Вася-DAT крик слышать.GFS-3SGR
‘Васе послышался крик’.

Возвратное спряжение [nʌmdiʔ] в (5), как видно из *Таблицы 3*, может быть формой как глагола {nømtøˆ}, так и глагола {nømtøⁱ}.

Два омонимичных *-ø* можно было бы различить по аористу субъектного спряжения — [nʌmdʌː] vs. [nʌmdi]. Однако ни та, ни другая форма для *намдй(сь)* {nømtø} не доступна, причем независимо от того, создаем ли мы переходное или непереходное предложение. Это видно из (6)–(7):

(6) a. **wasʲanʔ* *tʲor* *nʌmdʌː.*
wasya-n°h tyor namtø-°
Вася-DAT крик слышать-GFS.3SGS
‘Васе слышен крик’.

b. **wasʲa* *tʲorm* *nʌmdʌː.*
wasya tyor-m namtø-°
Вася крик-ACC слышать-GFS.3SGS
‘Вася слышит крик’.

(7) a. **wasʲanʔ* *tʲor* *nʌmdi.*
wasya-n°h tyor nømti
Вася-DAT крик слышать.GFS.3SGS

b. **wasʲa* *tʲorm* *nʌmdi.*
wasya tyor-m nømti
Вася крик-ACC слышать.GFS.3SGS

Таким образом, тип ауслаута *намдй(сь)* {namtø} с опорой на формы аориста не проясняется.

Следующая сложность возникает в связи с тем, что при полевой работе в ненецком материале обнаруживается форма возвратного спряжения, иллюстрируемая в (8)[4]:

(8) *wasʲanʔ* *tʲor* *nʌmdejʔ.*
wasya-n°h tyor nømte-y°-q
Вася-DAT крик слышать-SFS-3SGR
‘Васе послышался крик’.

Вариант [nʌmdejʔ] не может быть формой глагола *намдй(сь)* {namtø}, как видно из *Таблицы 3*. Для [nʌmdejʔ] приходится предположить основу *намда(сь)* {nømta} с ауслаутом *-а*, не зарегистрированную в словаре.

Реальность *намда(сь)* {nømta} подтверждается и примером (9), в котором показана форма аориста субъектного спряжения этого глагола[5]:

(9) *wasʲa* *tʲorm* *nʌmda.*
wasya tyor-m nømta-°
Вася крик-ACC слышать-GFS.3SGS
‘Вася услышал крик’.

Становится ясно, что интересующий нас глагол представлен по меньшей мере в двух разновидностях — {namtø}, как у Н. М. Терещенко и в (5)–(7), и {nømta}, как в (8)–(9). Последний вариант, очевидно, в словарные материалы Н. М. Терещенко не попал.

Осознание этого вызывает к жизни следующий вопрос. Согласно *Таблице 3*, [nʌmdiʔ] в (5) может быть формой аориста возвратного спряжения не только {namtøˆ} и {namtøⁱ}, но и еще одного глагола — *намдё(сь)* {nømtyo}. Если словарь Н. М. Терещенко упускает из вида *намда(сь)* {nømta} в (8)–(9), можно ли исключить, что то же самое происходит с *намдё(сь)* {nømtyo}? Снять вопрос о существовании *намдё(сь)* {nømtyo} представленные выше примеры, однако, не позволяют из-за

[4] Здесь и далее мы опираемся на материал «Базы данных по ненецкой деривационной морфологии и событийной структуре» (см. *Приложение*).

[5] Следует отметить, что сегменты [а] и [ʌ:] в ауслауте основ [nʌmta] в (9) и [nʌmtʌ:] в (6) акустически довольно близки (см. [Kavitskaya, Staroverov 2010]), однако носители языка отчетливо различают эти две фонемы. Последний воспринимается, согласно их комментариям, как «ударный». Различить формы типа [nʌmtʌ:] и [nʌmta], таким образом, не составляет большого труда.

уже обсуждавшегося синкретизма: аорист возвратного спряжения, один на три глагола, неинформативен, а аорист субъектного спряжения, который должен выглядеть как [nʌmdi], не только не информативен (он совпадал бы с аналогичным аористом от *намдӑ(сь)* {namtø^{i}} с альтернирующим *-ø^{i}*), но еще и недоступен.

Засвидетельствованные в нашем материале формы аориста сведены в *Таблице 4*.

Таблица 4. Формы аориста глагола со значением ‘слышать’

Table 4. Aorist forms of the verb ‘to hear’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**
намда(сь) {nømta}	**[nʌmda]**	**[nʌmdejʔ]**
намдӑ(сь) {namtø^{ʌ}} (неальтернирующий ø^{ʌ})	— (ожид.: [nʌmdʌ:])	**[nʌmdiʔ]**
намдӑ(сь) {namtø^{i}} (альтернирующий ø^{i})	— (ожид.: [nʌmdi])	
намдё(сь) {nømtyo}		

Таким образом, рассмотрение только форм аориста не позволяет разрешить морфологическую неоднозначность, обусловленную синкретизмом в парадигме. На помощь приходят формы коннегатива, которые различают все четыре случая. В *Таблице 5* к засвидетельствованным формам аориста добавлены ожидаемые формы коннегатива:

Таблица 5. Формы аориста и коннегатива глагола со значением ‘слышать’

Table 5. Aorist forms and Connegative forms of the verb ‘to hear’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
намда(сь) {nømta}	**[nʌmda]**	**[nʌmdejʔ]**	[nʌmdaʔ]
намдӑ(сь) {namtø^{ʌ}} (неальтернирующий ø^{ʌ})	— (ожид.: [nʌmdʌ:])	**[nʌmdiʔ]**	[nʌmdʔ]
намдӑ(сь) {namtø^{i}} (альтернитующий ø^{i})	— (ожид.: [nʌmdi])		[nʌmduʔ]
намдё(сь) {nømtyo}			[nʌmd^{j}uʔ]

Следующий и последний шаг — выяснить, какие из гипотетических форм коннегатива из *Таблицы 5* реальны. Примеры (10a–d) показывают парадигму коннегатива:

(10) a. *wasʲa* *tʲorm* *nʲiʔ* *namdaʔ.*
wasya tyor-m nyi-q namta-q
Вася крик-ACC NEG-3SGR слышать-CNG
‘Вася не услышал крик’.

b. *wasʲanʔ* *tʲor* *nʲiʔ* *namdʔ.*
wasya-n°h tyor nyi-q namt°-q
Вася-DAT крик NEG-3SGR слышать-CNG
‘Васе не послышался крик’.

c. **wasʲanʔ* *tʲor* *nʲiʔ* *namduʔ.*
wasya-n°h tyor nyi-q namtu-q
Вася-DAT крик NEG-3SGR слышать-CNG

d. **wasʲanʔ* *tʲor* *nʲiʔ* *namdʲuʔ.*
wasya-n°h tyor nyi-q namtyu-q
Вася-DAT крик NEG-3SGR слышать-CNG

Благодаря примерам (10a–d) становится возможным исключить две из четырех возможностей: глаголы *намдӑ(сь)* {namtøⁱ} с альтернирующим *-øʲ* и *намдё(сь)* {nømtyo}. На это указывает недопустимость коннегативов в (10c) и (10d). Заметим, что во всей парадигме в (10) представлены формы возвратного спряжения, как и в допустимой утвердительной форме в (5). Это позволяет свести к минимуму возможность того, что (10c) и (10d) неграмматичны из-за неверного выбора типа спряжения.

Таким образом, остаются два глагола из четырех возможных: *намдӑ(сь)* {namtøʌ} и *намда(сь)* {namta}.

Важные, хотя и косвенные свидетельства, подтверждающие реальность обоих глаголов, обнаруживаются в [Терещенко 1965: 283–284]. Часть производных глаголов от ‘услышать’, которые записаны в её словаре, судя по всему, образуется от {namtø}, а другая — от {namta}. Например, глагол *нӑмдра(сь)* ‘довести что-либо до сведения кого-либо’, по-видимому, представляет собой каузатив от {namtø} и имеет морфологическое представление {namtø-ra}, с последующей редукцией второго *-ø* до °, {nømt°-ra}. С другой стороны, в [Терещенко 1965: 283] приводится словоформа аориста объектного спряжения *намдарада* со значением ‘сообщил’. Она также представляет собой каузатив, но уже от основы {namta}. Форма имеет вид {namta-ra-da}, а сегмент *а*, в отличие от *ø*, не редуцируется до °. (Отсутствие редукции — важное различие в фонологическом поведении этих двух сегментов.)

Рассмотрев на одном примере устройство интересующей нас парадигмы, а также практические трудности, с которыми приходится

сталкиваться при опознании ее элементов, можно перейти к следующей группе наблюдений. В *Разделе 4* будет показано, что среди непроизводных глаголов представлены пары глаголов почти со всеми логически возможными комбинациями ауслаутов — *-а* и *-ø*^{i}, *-а* и *-(у)о* и т. д.

4. Непроизводные глаголы[6]

Как мы видели в предыдущем разделе, ауслаутная парадигма состоит из четырех единиц — *-а*, *-ø*^{ʌ}, *-ø*^{i} и *-(у)о*. Полная парадигма, однако, реализуется крайне редко: как правило, мы видим лишь частичные подпарадигмы. Обсуждавшийся выше глагол со значением ‘слышать’ дает нам пример ауслаутной пары с *-а* и *-ø*^{ʌ}. В этом разделе охарактеризованы другие засвидетельствованные в нашем материале пары.

Материал организован в таблицы, в которых исчислены все возможные элементы парадигмы — четыре варианта основы и формы аориста от каждой из них. Засвидетельствованные формы показаны обычным шрифтом, не засвидетельствованные — более бледным. Формы коннегатива показаны только тогда, когда они позволяют разрешить морфологическую неоднозначность.

Первый случай — пары с *-а* и *-ø*^{i}. Пример такой пары — *вăндарта(сь)* {wøntar°ta} и *вăндартă(сь)* {wøntar°tø} ‘сгибать, изгибать’. Три засвидетельствованные формы аориста для этих глаголов показаны в *Таблице 6*.

Таблица 6. Глаголы *вăндарта(сь)* {wøntar°ta} и *вăндартă(сь)* {wøntar°tø} ‘сгибать, изгибать’

Table 6. The verbs *вăндарта(сь)* {wøntar°ta} and *вăндартă(сь)* {wøntar°tø} ‘to bend’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
{wøntar°ta}	[wʌndarta]	[wʌndartej?]	
{wøntar°tø^}	[wʌndartʌ:]	[wʌndarti?]	[wʌndart?]
{wøntar°tø^{i}}	[wʌndarti]		[wʌndartu?]
{wøntar°tyo}			[wʌndart^{j}u?]

[6] Непроизводными здесь и далее называются (с известной долей условности) формы, в которых отсутствует продуктивная деривационная морфология.

Согласно *Таблице 6*, *вӑндарта(сь)* {wøntar°ta} имеет формы аориста как субъектного, так и возвратного спряжений, тогда как *вӑндартӑ(сь)* {wøntar°tø^{i}} — только субъектного. Эти формы иллюстрируются в (11a–c):

(11) a. *was^{j}a* *p^{j}am* *wʌndarta.*
wasya pya-m wøntar°ta-°
Вася дерево-ACC скрючивать-GFS.3SGS
‘Вася согнул дерево’.

b. *p^{j}a* *wʌndartej?.*
pya wøntar°te-y°-q
дерево скрючивать-SFS-3SGR
‘Дерево скрючилось’.

c. *p^{j}a* *wʌndarti.*
pya wøntar°ti
дерево быть.скрюченным.GFS.3SGS
‘Дерево скрючено’.

В примерах (11a–b) глагольные формы идентифицируются как принадлежащие глаголу {wøntar°ta}. Однако чтобы убедиться, что аорист 3SGs [wʌndarti] в (11c) однозначно относится к глаголу {wøntar°tø^{i}}, надо исключить возможность того, что мы имеем дело с аористом гипотетических глаголов *вӑндартӑ(сь)* {wøntar°tø^{ʌ}} и *вӑндартё(сь)* {wøntar°tyo}. Сделать это вновь помогает коннегатив:

(12) *p^{j}a* *n^{j}i* *wʌndartu-ʔ* || **wʌndart-ʔ* || **wøntar°tyu-q*
pya nyi wøntar°tu-q || wøntar°t°-q || wøntar°tyu-q
дерево NEG.3SGS скрючивать-CNG
‘Дерево не скрючено’.

Невозможность коннегатива с основами [wʌndart] и [wʌndart^{j}u] не оставляет сомнений, что глаголов *вӑндартӑ(сь)* {wøntar°tø^{ʌ}} и *вӑндартё(сь)* {wøntar°tyo} не существует, а значит, [wʌndarti] и [wʌndartiʔ] — это формы глагола *вӑндартӑ(сь)* {wøntar°tø^{i}} с альтернирующим *-ø^{i}*.

Следующая пара — основы на *-а* и на *-(у)о*. Характерный пример — глаголы *хона(сь)* {xona} и *хонё(сь)* {xonyo} ‘спать’. Их формы представлены в *Таблице 7* (с. 546).

В отличие от глаголов *вӑндарта(сь)* {wøntar°ta} и *вӑндартӑ(сь)* {wøntar°tø} ‘сгибать, изгибать’, *хона(сь)* {xona} и *хонё(сь)* {xonyo}

Таблица 7. Глаголы *хона(сь)* {xona} и *хонё(сь)* {xonyo} ‘ложиться спать, спать’

Table 7. The verbs *хона(сь)* {xona} and *хонё(сь)* {xonyo} ‘to go to bed, to sleep’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
{xona}	[xona]	[xonejʔ]	
{xonøᴧ}	[xonʌː]	[xoniq]	
{xonøⁱ}	[xoni]		[xonuq]
{xonyo}			[xonʲuʔ]

имеют в совокупности две формы аориста, а не три. От глагола *хона(сь)* {xona} образуется только аорист возвратного спряжения, а от *хонё(сь)* {xonyo} — субъектного. Как и в предыдущем случае, [xoni] может быть аористом двух гипотетически возможных глаголов — {xonyo} и {xonøⁱ}. На помощь вновь приходит форма коннегатива, которая показывает, что существует только один из этих двух глаголов, а именно {xonyo}.

(13) *wasʲa* *nʲi* *xonʲuʔ* || **xonuʔ.*
wasya nyi xonyu-q || xonu-q
Вася NEG.3SGS спать-CNG
‘Вася не спит’.

Следующий случай — глаголы, образующие пару на *-øᴧ* и *-(у)о*, иллюстрацией которой выступают *ӈамдӑ(сь)* {ngamtø} ‘садиться’ и *ӈамдё(сь)* {ngamtyo} ‘сидеть’. Их формы показаны в *Таблице 8*.

Таблица 8. Глаголы *ӈамдӑ(сь)* {ngamtø} и *ӈамдё(сь)* {ngamtyo} ‘садиться, сидеть’

Table 8. The verbs *ӈамдӑ(сь)* {ngamtø} and *ӈамдё(сь)* {ngamtyo} ‘to sit, to sit down’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
{ngamta}	[ŋamda]	[ŋamdejʔ]	
{ngamtøᴧ}	[ŋamdʌː]	[ŋamdiʔ]	[ŋamdʔ]
{ngamtøi}	[ŋamdi]		[ŋamduʔ]
{ngamtyo}			[ŋamdʲuʔ]

Как видно из таблицы, из пяти возможных засвидетельствованы две фонетически различные формы аориста — [ŋʌmdi] и [ŋʌmdiʔ].

Немедленно становится ясно, что глагола *ӈамда(сь)* {ngamta} в ненецком языке нет. Однако [ŋʌmdi] можно анализировать двумя способами, а [ŋʌmdiʔ] — тремя. Выбрать верные среди имеющихся логических возможностей опять помогает коннегатив.

Неграмматичность примеров (14a–b) исключает возможность того, что фонетические формы аориста в *Таблице 8* — это формы гипотетического глагола {ngamtøⁱ}:

(14)	a.	*nʲi	ŋamduʔ	b.	*nʲiʔ	ŋamduʔ
		nyi	ngamtu-q		nyi-q	ngamtu-q
		NEG.3SGS	сидеть-CNG		NEG-3SGR	сидеть-CNG

Коннегатив от {ngamtøⁱ} выглядел бы как [ŋamduʔ]. Примеры в (14) показывают, что он невозможен ни в субъектном, ни в возвратном спряжении, а значит, такого глагола не существует. Отсюда следует, что аорист субъектного спряжения [ŋamdi] — это форма глагола *ӈамдё(сь)* {ngamtyo} ‘сидеть’.

Остается понять, чему соответствует аорист возвратного спряжения [ŋamdiʔ]. После исключения гипотетического {ngamtøⁱ} из рассмотрения остается две возможности — {ngamtøʌ} и {ngamtyo}.

Их отрицательные формы иллюстрируются в (15a–b):

(15)	a.	nʲiʔ	ŋamdʔ	b.	*nʲiʔ	ŋamdʲuʔ
		nyi-q	ngamt°-q		nyi-q	ngamtyu-q
		NEG-3SGR	сидеть-CNG		NEG-3SGR	сидеть-CNG

Примеры (15a–b) показывают, что отрицательный аорист возвратного спряжения от {ngamtøʌ} возможен, (15a), а от {ngamtyo} нет, (15b). Следовательно, [ŋʌmdiʔ] — это форма аориста возвратного спряжения от глагола {ngamtøʌ}, а не от {ngamtyo}. {ngamtyo}, таким образом, — это глагол, у которого есть только субъектное спряжение, или, в терминах [Татевосов 2016], непереходный непредельный S-глагол.

Следующий случай, насколько нам известно, не обсуждавшийся в литературе, за исключением [Гусев 2010][7], — это оппозиция основ с альтернирующим и неальтернирующим *-ø*. Таковы, например, *мӑясь* {møyøʌ} и {møyøⁱ} ‘радоваться’. Их формы показаны в *Таблице 9* (с. 548).

[7] Мы признательны рецензентам, указавшим нам на работу В. Ю. Гусева в связи с глаголами этого типа.

Таблица 9. Глаголы *мя́я(сь)* {møjøᴧ} и {møjøⁱ} ‘радоваться’

Table 9. The verbs *мя́я(сь)* {møjøᴧ} and {møjøⁱ} ‘to rejoice’

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
{møja}	[mʌja]	[mʌjejʔ]	
{møyøᴧ}	[mʌjʌ:]	[mʌjiʔ]	[mʌjʔ]
{møyøⁱ}	[mʌji]		[mʌjuʔ]
{møyo}			

Для глагола *мя́я(сь)* {møyø} ‘радоваться’ носители допускают два фонетических варианта аориста 3SG субъектного спряжения — [mʌjʌ:] и [mʌji] — и один вариант возвратного — [mʌjiʔ]. Ровно такая дистрибуция ожидается, если *-ø* может интерпретироваться и как альтернирующий и как неальтернирующий. Это дополнительно показано в (16); два аориста субъектного спряжения иллюстрируются примерами в (17a–b):

(16) **неальтернирующий *øᴧ* vs. альтернирующий *øⁱ*:**
{møjø} ‘радоваться’:
mʌjʌ: {møyø-°} *mʌjiʔ* {møyi-°-q}
mʌji {møyi} *mʌjiʔ* {møyi-q}

(17) a. *wasʲa* *mʌjʌ:.*
wasya møyø-°
Вася радоваться-GFS.3SGS
‘Вася обрадовался’.

b. *wasʲa* *mʌji.*
wasya møyi
Вася быть.обрадованным.GFS.3SGS
‘Вася обрадован’.

Пример (17a) однозначно указывает на реальность основы {møyøᴧ} с неальтернирующим *-øᴧ*. К сожалению, (17b) не дает однозначной информации об основе, от которой образован аорист: это может быть как {møyøⁱ}, так и гипотетический глагол {møyo}. А форма аориста возвратного спряжения [mʌjiʔ] с ее тройственным синкретизмом, как мы уже неоднократно видели, малоинформативна и не позволяет снять неоднозначность.

К сожалению, не помогает в этом случае и форма коннегатива: гласный ауслаута следует за сегментом [j], не реализующим противопоставления по палатализованности, в отличие, например, от зубных согласных, которые были в примерах выше. Соответственно, коннегативы от гипотетических глаголов {møyøⁱ} и {møyo} оказывались бы фонетически идентичны:

(18) a. *nʲi maju*ʔ (← {møyøⁱ})

b. *nʲi maju*ʔ (← {møyo})

Принять решение в пользу основы {møyøⁱ} позволяют лишь косвенные данные. Если бы основа {møyo} была реальна, можно было бы ожидать, что она обнаружится в составе производных глаголов, даже если для нее нет основного словарного вхождения в [Терещенко 1965]. Однако в словообразовательном гнезде глагола ‘радоваться’ (ни среди лексем, перечисленных в словаре Н. М. Терещенко, ни в наших полевых материалах) дериваты от основы {møyo} не представлены. Мы заключаем, что [mʌji] в (17b) — форма {møyøⁱ} и что пары с ауслаутом на *-øᐞ* и *-øⁱ* также реальны, хотя этот случай менее очевиден, чем предыдущие.

Подведем промежуточный итог. Среди непроизводных глаголов в ненецких словарях можно обнаружить пары основ, различающиеся практически всеми логически возможными типами ауслаута, как суммировано в (19). Единственная не засвидетельствованная возможность — минимальная пара с двумя альтернирующими основами {øⁱ, (y)o}.

(19) a. Засвидетельствованы: *a* и *øᐞ*, *a* и *øⁱ*, *a* и *(y)o*, *øᐞ* и *øⁱ*, *oᐞ* и *(y)o*.

b. Не засвидетельствованы: *øⁱ* и *(y)o*.

Обобщение в (19b), однако, не исключает того, что варианты с *-øⁱ* и *-(y)o* способны образовываться от одной и той же основы. Напротив, ниже на примере некоторых производных глаголов мы увидим, что основы на эти сегменты могут благополучно сосуществовать в составе большей парадигмы.

В следующих двух разделах наблюдения о непроизводных глаголах предстоит распространить на продуктивные дериваты. Мы рассмотрим каузативы и в особенности инхоативы, но полученные на этом материале обобщения будут верны и для большинства других дериватов.

5. Продуктивные дериваты

До сих пор мы видели лишь пары глаголов, но не тройки и тем более не четверки глаголов, хотя в *Таблицах 1–9* всякий раз рассматривались четыре логические возможности. В этом разделе обсуждаются глаголы с продуктивными деривационными показателями, и благодаря этому материалу становится ясно, что диапазон возможностей отнюдь не ограничен парами.

В ненецком языке деривационные показатели можно распределить по трем категориям:

— показатели актантной деривации;
— показатели аспектуальной деривации;
— показатели временной референции к будущему и хабитуалиса.

Показатели актантной и аспектуальной деривации образуют наиболее многочисленную группу. Разделение на эти два класса в значительной степени условно. Показатели актантной деривации не только изменяют аргументную структуру основы, но и воздействуют на ее акциональные / аспектуальные характеристики. Аналогично, показатели аспектуальной деривации не только влияют на аспектуальные свойства основы, но и преобразуют ее актантную структуру. Отнесение к одному из классов, таким образом, лишь отражает интуицию о том, какая функция — актантная или аспектуальная — первична.

К продуктивным аспектуальным деривациям относятся, в частности, дуратив, имперфектив, фреквентатив, итератив и инхоатив.

Дуратив (показатель *-мбй* {mpø}) и имперфектив (показатель *-нй* / *-тй* {n~tø}) иллюстрируются в (20)–(21) и (22)–(23):

(20) *wasʲa* *xidʲam* *xʌlta.*
wasya xidya-m xøl°ta-°
Вася тарелка-ACC мыть-GFS.3SGS
‘Вася вымыл тарелку’.

(21) *wasʲa* *xidʲam* *xʌltambʲi.*
wasya xidya-m xøl°ta-mpyi
Вася тарелка-ACC мыть-DUR.GFS.3SGS
‘Вася моет тарелку’.

(22) *wesako* *xa*.
wæsako xa-°
старик умирать-GFS.3SGS
‘Старик умер’.

(23) *wesako* *xanʌ:*.
wæsako xa-nø-°
старик умирать-IPFV-GFS.3SGS
‘Старик умирает’.

Предложения с дуративом и имперфективом функционируют как аналоги предложений в прогрессиве в языках со словоизменительным видом или предложений с глаголами несовершенного вида в русском языке.

Фреквентатив (показатель *-p*[8] {r}) и итератив *-ӈгəй* {ngkø} обычно рассматриваются как показатели глагольной множественности. Фреквентатив — одна из наиболее продуктивных аспектуальных дериваций. Пример фреквентатива представлен в (25), непроизводный глагол показан в (24).

(24) *wasʲa* *ŋoxoli.*
wasya ngoxøli
Вася плыть.GFS.3SGS
‘Вася плывет’.

(25) *wasʲa* *ŋoxolʲurŋa.*
wasya ngoxølyu-r-nga
Вася плавать-FREQ-GFS.3SGS
‘Вася плавает {сейчас || регулярно}’.

Семантические последствия присоединения показателя фреквентатива достаточно многообразны. Например, фреквентатив глагола ‘плыть’ в (25) в актуально-длительной интерпретации описывает множество перемещений, возможно, разделенных временными промежутками. Это создает семантику, похожую на ту, которую мы наблюдаем в русском языке у так называемых глаголов ненаправленного движения типа *плавать*.

Итератив также описывают ситуации, разбивающиеся на множество атомарных подситуаций:

[8] В [Терещенко 1965] и [Буркова 2010] записан как *-p”*.

(26) *wasʲa radionʔ jinzʲelʲe.*
wasya radio-n°h yincyelye-°
Вася радио-DAT слушать-GFS.3SGS
‘Вася слушает радио’.

(27) *wasʲa radʲionʔ jinzʲelʲeŋgʌː.*
wasya radyio-n°h yincyelye-ngkø-°
Вася радио-DAT слушать-ITER-GFS.3SGS
‘Вася (временами) прислушивается к радио’.

Предложения с непроизводными глаголами ничего не сообщают о том, как описываемая ситуация членится на подситуации. Предложения с итеративом не только указывают на наличие множества подситуаций, но и на то, что между элементами этого множества имеются временные промежутки. Предложение в (27), в частности, уместно, когда радио привлекает внимание участника ситуации лишь время от времени. Подробнее об итеративе см. [Татевосов 2017; 2020].

Еще одна чрезвычайно продуктивная деривация — инхоатив (показатель *-л(ă)* {l(ø)}), иллюстрируемый в (28)–(31):

(28) *wasʲa wʌrkxʌd pʲiˊnʌː.*
wasya wørk°-xød° pyínø-°
Вася медведь-ABL бояться-GFS.3SGS
‘Вася боится медведя’.

(29) *wasʲa wʌrkxʌd pʲiˊnʌlŋa.*
wasya wørk°-xød° pyínø-l-nga
Вася медведь-ABL бояться-INCH-GFS.3SGS
‘Вася начал бояться медведя’.

(30) *wasʲa petʲam juˊtʌː.*
wasya petya-m yútø-°
Вася Петя-ACC бить-GFS.3SGS
‘Вася избил Петю’.

(31) *wasʲa petʲam juˊtʌlŋa.*
wasya petya-m yútø-l-nga
Вася Петя-ACC бить-INCH-GFS.3SGS
‘Вася начал избивать Петю’.

Инхоатив не имеет регулярных лексических ограничений и может описывать и наступление состояния, как в (29), и наступление процесса,

как в (31). В терминах В. П. Недялкова [Недялков 1987], в случае ненецкого инхоатива мы имеем дело с тремя разными возможностями — собственно инхоативом, ингрессивом и инцептивом.

Единственная продуктивная актантная деривация — каузатив, который представлен несколькими каузативными суффиксами — *-ma* {ta}, *-me* {tye}, *-pa* {ra}, *-pe* {rye}, *-nma* {bta}; см. [Терещенко 1960, Терещенко 1965, Salminen 1997, Nikolaeva 2014]. (Показатели {ta} / {tye} и {ra} / {rye}, вероятно, диахронически представляют собой варианты одного аффикса, однако мы пока не видим способа объяснить их дистрибуцию в фонологических терминах.) Ненецкий каузатив, как и его аналоги в других языках, добавляет к описываемой ситуации каузирующее подсобытие и его аргумент. В качестве иллюстрации в (32)–(35) представлены каузативы на *-nma* {bta}:

(32) *jimbitʔ* *ŋʌdʌrʌ:.*
yimpit°q ngødørø-°
платье рваться-GFS.3SGS
‘Платье порвалось’.

(33) *manʲ* *jimbitʔm* *ŋʌdʌrʌptaw.*
many° yimpit°q-m ngødørø-bta-ø-w°
я платье-ACC рваться-CAUS-GFS-1SGO
‘Я порвал платье’.

(34) *wasʲa* *nʲerʌnzʲʌm* *jikʌna* *panda.*
wasya nyerøncyø-m ji-k°na pan°da-°
Вася ведро-ACC вода-LOC наполнять-GFS.3SGS
‘Вася наполнил ведро водой’.

(35) *manʲ* *nʲerʌnzʲʌm* *jikʌna* *wasʲanʔ*
many° nyerøncyø-m ji-k°na wasya-n°h
я ведро-ACC вода-LOC Вася-DAT
pandaptaw.
pan°da-bta-°-w°
наполнять-CAUS-GFS-1SGO
‘Я заставил / приказал / позволил / помог Васе наполнить ведро водой’.

Каузативный показатель присоединяется к глаголам с любой актантной структурой — в диапазоне от непереходных пациентивных, как в (32), до переходных агентивных, как в (34). В последнем случае

каузатив допускает значение непрямой каузации. Поскольку каузатив вводит в рассмотрение подсобытие деятельности каузатора с неспецифицированными дескриптивными свойствами, в (35) наблюдаются многообразные прочтения типа ‘заставил’, ‘приказал’, ‘помог’ и т. д.[9]

К продуктивным деривациям относятся также хабитуалис и футурум. Первый представлен в (36), второй — в (37):

(36) *pida* *pʲisʲmoʔ* *padbʌsʲti.*
pida pyisymoq pad°-pø-sy°ti
он письма.ACC.PL написать-DUR-HAB.GFS.3SGS
‘(После завтрака) он пишет письма’.

(37) *pida* *ŋʌacʲekinʔ* *mʲadoncejm* *temdaŋgu.*
pida ngøcyeki-n°h myadoncey°-m temta-ngku
он ребёнок-DAT подарок-ACC купить-FUT.GFS.3SGS
‘Он купит ребенку подарок’.

Основная функция футурума — выражение временно́й референции к будущему. Хабитуалис описывает ситуации, которые имеют место постоянно или регулярно. В отличие от деривационных показателей, охарактеризованных выше, хабитуалис и футурум лишены даже минимальных лексических ограничений и находятся в дополнительной дистрибуции со словоизменительными показателями. С точки зрения системно-типологических соображений, выражение временной референции к будущему и хабитуальности деривационной морфологией, а не словоизменительной также весьма нетипично, см. [Dahl 1985; Bybee et al. 1994]. Все это указывает на то, что действительное место суффиксов хабитуалиса и футурума — среди словоизменительных показателей. Такое описание хабитуалиса и футурума предлагается и в грамматике И. А. Николаевой [Nikolaeva 2014]; некоторые соображения на эту тему высказываются также в [Буркова 2010: 301–302].

Т. Салминен, однако, приводит их в одном ряду с прочими деривационными показателями. Аргументы за и против такого анализа

[9] И. А. Николаева [Nikolaeva 2014] утверждает, что в ненецком языке каузативизация продуктивна для непереходных глаголов и непродуктивна для переходных. Этот вывод, однако, следует признать слишком поспешным: в нашей «Базе данных по ненецкой деривационной морфологии и событийной структуре» (см. *Приложение*) *все* исследованные переходные глаголы допускают тот или иной вариант каузативизации.

обсуждаются в [Salminen 1997: 53–55]. Судить об их убедительности мы предоставляем читателю. Для наших дальнейших целей вопрос о статусе этих форм не имеет принципиального значения, и мы поэтому принимаем анализ Т. Салминена в неизменном виде.

Кроме перечисленных, Т. Салминен [Salminen 1998; 2002] выделяет еще целый ряд деривационных показателей: моментатив на *-хал*[10] {xøl}, интенсив на *-хая* {xøya}, интранзитив на *-ӈго* {ngko}, инкомплетив на *-йбте* {jøbtye}, пассив на *-рӑ* {ra}, прекатив на *-хар* {xør}; см. также [Буркова 2010; Nikolaeva 2014]. Их дистрибуция отмечена большим количеством нетривиальных лексических ограничений, обсуждение которых мы отложим на будущее. Дополнительные сведения о дуративе и имперфективе можно найти в [Дудчук 2004], о дуративе, фреквентативе и итеративе — в [Шлуинский 2004] и [Татевосов 2017; 2020].

6. Деривации и ауслауты

Основное наблюдение над продуктивными дериватами в контексте сюжета этой статьи состоит в том, что абсолютно все они проявляют те же «ауслаутные чередования», что и непроизводные глаголы, только более системно и продуктивно. Инхоативы, дуративы, каузативы и т. д. могут существовать в нескольких разновидностях — с ауслаутами на *-а*, *-ø*^{ʌ}, *-ø*^{i} и *-у(о)*. Этот факт, по-видимому, не отмечался предыдущими исследователями.

Рассмотрим несколько примеров. Предложения (38) и (39) иллюстрируют зафиксированные в наших данных случаи каузатива.

(38) a. *was^{j}a* *ŋac^{j}ekim* *mʌnzapta.*
wasya ngacyeki-m mønca-bta-°
Вася ребенок-ACC шевелиться-CAUS-GFS.3SGS
‘Вася пошевелил ребенка’.

b. *ŋac^{j}eki* *mʌnzapti.*
ngacyeki mønca-bti
ребенок шевелиться-CAUS.GFS.3SGS
‘Ребёнок шевелится’.

[10] В [Терещенко 1965; Буркова 2010] имеет вид *-хал’*.

(39) a. *ŋacʲeki* *mʌnzaptejʔ.*
ngacyeki mønca-bte-y°-q
ребенок шевелиться-CAUS-SFS-3SGR
‘Ребёнок шевельнулся (по какой-то причине)’.

b. *ŋacʲeki* *mʌnzaptiʔ.*
ngacyeki mønca-bti-q
ребенок шевелиться-CAUS.SFS-3SGR
‘Ребёнок начал шевелиться’.

В (38)–(39) мы видим четыре варианта: два аориста субъектного спряжения и два возвратного. Они показаны в Таблице 10.

Таблица 10. Каузатив *мӑнзапта(сь)* {møncabta} и его варианты

Table 10. Causative *мӑнзапта(сь)* {møncabta} and its variants

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**
{møncabta}	[mʌnzapta]	[mʌnzaptejʔ]
{møncabtøˆ}	[mʌnzaptʌ]	[mʌnzaptiʔ]
{møncabtøⁱ}	[mʌnzapti]	
{møncabtyo}		

Из примеров (38)–(39) и *Таблицы 10* становится ясно, что каузатив имеет вариант с основой на *-a*, создающий формы [mʌnzapta] и [mʌnzaptejʔ], а также по меньшей мере один из трех других вариантов, благодаря которому возникают формы [mʌnzapti] и [mʌnzaptiʔ]. Субъектное спряжение [mʌnzaptʌ:] от основы {møncabtøˆ} невозможно. Однако и исключить существование самой основы на основании (38)–(39) нельзя, поскольку возвратное спряжение [mʌnzaptiʔ] может оказаться среди прочего и формой от {møncabtøˆ}.

В нашей базе данных представлено около двух десятков каузативов на *-pta* {bta}, устроенных похожим образом. Это достаточно существенная (не менее 25 %) доля каузативов из выборки. Можно говорить о том, что явление имеет совершенно регулярный характер.

То же самое наблюдается и у других деривационных морфем. Согласно всем грамматическим описаниям, показатели имперфектива на *-ӊӑ* {nø} и итератива *-ӈгӑ* {ngkø}, например, имеют *-ø* в ауслауте. Следовательно, независимо от того, имеем ли мы дело с *-øˆ* или *-øⁱ*, единственная ожидаемая фонетическая форма аориста возвратного спряжения имеет в исходе последовательность сегментов [iʔ].

Эта возможность действительно преобладает. Однако в базе данных представлена заметная доля имперфективов и итеративов, аналогичных тем, которые иллюстрируются в (40)–(41):

(40) *sarʲo* *xʌwnʌŋgejʔ.*
saryo xøw°nø-ngke-y°-q
дождь идти-ITER-SFS-3SGR
‘Начало моросить’.

(41) *wasʲa* *mʌjʌmlanejʔ.*
wasya møyøm-la-ne-y°-q
Вася радоваться-CAUS-IPFV-SFS-3SGR
‘Вася начал испытывать радость (по какой-то причине)’.

Как ясно из предшествующего обсуждения, глаголы в (40)–(41) не могут быть формами итератива *хӑвнӑӈгӑ(сь)* {xøw°nøngkø} ‘идти (о дожде)’ и имперфектива *мӑямланӑ(сь)* {møyømlanø} ‘радоваться’. Это формы глаголов *хӑвнӑӈга(сь)* {xøw°nøngka} ‘идти (о дожде)’ и имперфектива *мӑямлана(сь)* {møyømlana} ‘радоваться’, в которых показатели имперфектива и итератива имеют *-а*, а не *-ø* в ауслауте — *-на* {na} и *-ӈга* {ngka}.

Однако наибольшее разнообразие возможностей зафиксировано для инхоатива — {la}, {løˆ}, {løⁱ}, {lyo}, {l}. К уже обсуждавшимся четырем случаям здесь добавляется пятый: нулевой элемент ауслаута, при котором создается консонантная основа. Доступные возможности показаны в *Таблице 11* на примере основы *лохомбӑл-* {loxom-pø-l-} ‘закипать’, которая представляет собой инхоатив от дуратива глагола *лохом(зь)* {loxom} ‘закипать’:

Таблица 11. Глагол *лохомбӑлӑ(сь)* {loxom-pø-lø} ‘закипать’ и его варианты

Table 11. The verb *лохомбӑлӑ(сь)* {loxom-pø-lø} ‘закипать’ и его варианты

Глагол	**Аорист 3SGs**	**Аорист 3SGr**	**Коннегатив**
{loxompøla}	[loxombʌla]	[loxombʌlejʔ]	[loxombʌlaʔ]
{loxompøløˆ}	[loxombʌlʌ:]	[loxombʌliʔ]	[loxombʌlʔ]
{loxompøløⁱ}	[loxombʌli]		[loxombʌluʔ]
{loxompølyo}			[loxombʌlʲuʔ]
{loxompøl}	[loxombʌlŋa]	[loxombʌljʔ]	

Парадигма, показанная в *Таблице 11*, — относительно редкий случай, когда все ожидаемые формы реально засвидетельствованы. В (42)–(43) иллюстрируются формы глаголов *лохомбăла(сь)* {loxompøla} и *лохомбăлă(сь)* {loxompøløˆ} с неальтернирующим *-øˆ*:

(42) *лохомбăла(сь)* {loxompøla} ‘закипать, начинать кипеть’
a. *loxombʌl**a***
loxom-pø-la-°
закипать-DUR-INCH-GFS.3SGS

b. *loxombʌlejʔ*
loxom-pø-le-y°-q
закипать-DUR-INCH-SFS-3SGR

c. *nʲi* *loxombʌlaʔ*
nyi loxom-pø-la-ʔ
NEG.3SGS закипать-DUR-INCH-CNG

(43) *лохомбăлă(сь)* {loxompøløˆ} ‘закипать, начинать кипеть’
a. *lox**o**mbʌlʌ:*
loxom-pø-lø-°
закипать-DUR-INCH-GFS.3SGS

b. *nʲi* *loxombʌlʔ*
nyi loxom-pø-l°-q
NEG.3SGS закипать-DUR-INCH-CNG

В примерах (42)–(43) заслуживает внимания хорошо регистрируемый фонетический контраст форм аориста субъектного спряжения. Редуцированный [ʌ:] в (43a) интуитивно воспринимается носителями как «безударный» по сравнению с «ударным» гласным полного образования в (42a). (В (42a) и (43a) «ударный» гласный подчеркнут. В действительности, по всей вероятности, носители интерпретируют как «ударность» напряженность гласных. (Подлинные правила акцентуации, согласно [Salminen 1997; Nikolaeva 2014: 28], определяются просодическим членением фонетического материала на хореические стопы.)

Коннегативы в (42c) и (43b) образуются по регулярным правилам; в (43b), как и, например, в (10b) и (15a) выше, *-ø* редуцируется до °.

В (44)–(45) показаны формы субъектного спряжения и коннегативы инхоативов с альтернирующими основами *лохомбăлă(сь)* {loxompøløⁱ} и *лохомбăлё(сь)* {loxompølyo}.

(44) *лохомбӑлӑ(сь)* {loxompølø^{i}} ‘закипать’
a. *loxombʌli*
loxom-pø-li
закипать-DUR-INCH.GFS.3SGS

b. *nʲi* *loxombʌlu?*
nyi loxom-pø-lu-q
NEG.3SGS закипать-DUR-INCH-CNG

(45) *лохомбӑлё(сь)* {loxompølyo} ‘закипать, кипеть’
a. *loxombʌli*
loxom-pø-li
закипать-DUR-INCH.GFS.3SGS

b. *nʲi* *loxombʌlʲu?*
nyi loxom-pø-lyu-q
NEG.3SGS закипать-DUR-INCH-CNG

Реальность обоих глаголов, как и прежде, подтверждается формами коннегатива, который различает их смягчением согласного в показателе инхоатива у *лохомбӑлё(сь)* {loxompølyo} в (45b) и его отсутствием у *лохомбӑлӑ(сь)* {loxompølø^{i}} в (44b). Аорист субъектного спряжения у двух глаголов идентичен, так что форма [loxombʌli] может относиться к любому из них, как в (44a) и (45a).

Форма в (46), как видно из *Таблицы 11*, показывает, что по меньшей мере один из трех глаголов — на *-ø*^{ʌ}, на *-ø*^{i} или на *-(у)о* — допускает образование аориста возвратного спряжения.

(46) Форма аориста возвратного спряжения
от *лохомбӑлӑ(сь)* {loxompølø^{ʌ}}, *лохомбӑлӑ(сь)* {loxompølø^{i}}
или *лохомбӑлё(сь)* {loxompølyo}
loxombʌli?
loxom-pø-li-q
закипать-DUR-INCH.SFS-3SGR

Наконец, возможность, которая не обсуждалась на материале непроизводных глаголов, иллюстрируется в (47). Это глагол *лохомбӑл(ць)* {loxompøl}, у которого показатель инхоатива представлен моноконсонантным вариантом. Глаголы с консонантной основой легко отличить: для них показателем общей финитной основы выступает *-ӈа* {nga}. Специальная финитная основа создается при помощи уже известного нам показателя {уø}.

(47) *лохомбӑл(ць)*{loxompøl} ‘закипать, вскипать’

a. *loxombʌlŋa*	b. *loxombʌljʔ*
loxom-pø-l-nga	loxom-pø-l-y°-q
закипать-DUR-INCH-GFS.3SGS	закипать-DUR-INCH-SFS-3SGR

Все эти примеры показывают, что обобщения, опирающиеся на материал непроизводных глаголов из *Раздела 4*, воспроизводятся в большинстве дериватов с достаточной систематичностью. Появляются основания говорить о том, что в общем случае ненецкая глагольная основа, неважно производная или непроизводная, имеет выбор между несколькими вариантами «ауслаута».

Эмпирическая реальность этого обобщения подкрепляется и еще одним морфосинтаксическим фактом. Основы глаголов, различающихся «ауслаутом», участвуют в дальнейших деривационных процессах.

В ходе полевого исследования мы провели простой эксперимент. Взяв несколько инхоативов, мы предположили для них три из пяти возможностей, которые показаны в *Таблице 11*, — с ауслаутом на *-a, -ø*^{i} и *-(y)o*. Затем для каждой из возможностей были исчислены три случая: исходная основа (ИО), общая финитная основа (GFS), основа коннегатива (CNG). Исчисление показано в (48) в виде иерархической структуры на примере инхоатива от глагола *якӑ(сь)* {jakø} ‘чесаться’:

(48)

jakø-l	a	=	jakø-la	[jakʌla]	ИО
чесаться-INCH		°	jakø-la-°	[jakʌla]	GFS
		=	jakø-la	[jakʌla]	CNG
	ø^{i}	=	jakø-lø	[jakʌlʌ]	ИО
		←i	jakø-li	[jakʌli]	GFS
		←u	jakø-lu	[jakʌlu]	CNG
	(y)o	=	jakø-lyo	[jakʌlʲo]	ИО
		←i	jakø-li	[jakʌli]	GFS
		←(y)u	jakø-lyu	[jakʌlʲu]	CNG

При ауслауте на *-a* основы ИО, GFS и CNG фонетически идентичны ([jakʌla]). Также идентичны GFS при двух альтернирующих типах ауслаута — на *-ø*^{i} и на *-(y)o* ([jakʌli]). С учетом этого исчисление дает шесть фонетически различных объектов — [jakla], [jaklʌ], [jakli], [jaklu], [jaklʲo] и [jaklʲu].

Задача эксперимента — проверить, могут ли эти объекты участвовать в дальнейших деривационных процессах. Если да, мы получаем

важное дополнительное свидетельство в пользу реальности морфологического противопоставления вариантов на *-a*, *-ø*^{i} и *-(y)o*.

Для целей эксперимента было отобрано четыре деривата — дуратив, имперфектив, фреквентатив и итератив. К каждому из объектов в (48) присоединялся соответствующий показатель и получившаяся основа предъявлялась носителю языка. Испытание считалось успешным, если носитель опознавал как грамматичную хотя бы одну форму построенного таким образом деривата.

Таблицы 12–14 показывает засвидетельствованные дериваты от всех исчисленных типов инхоативных основ для трех глаголов — *якӑ(сь)* {jakø} ‘чесаться’, *хӑвнӑ(сь)* {xøw°nø} ‘идти (о дожде)’, — а также отыменного инхоатива *xodolӑ(сь)* {xodolø} ‘начинать кашлять’ (от *хо”* {xoq} ‘кашель’). Во всех таблицах столбец GFS — общий для вариантов с *-ø*^{i} и *-(y)o*.

Как видно из таблиц, по меньшей мере один дериват образуется от каждой из основ, полученных описанным выше методом. Это безусловно доказывает реальность всей серии объектов, традиционно описываемых в терминах ауслаутных чередований. Можно с определенностью говорить о том, что масштаб этого явления был существенно недооценен в предшествующих описаниях. Обобщение А. Ю. Урманчиевой можно, таким образом, уточнить: речь идет не столько об образовании форм аориста, сколько о полноценном деривационном процессе, который дает о себе знать сразу в нескольких частях грамматической системы.

Морфологический материал, которым мы хотели бы поделиться с читателем, на этом исчерпан. Мы готовы подвести скромные итоги обсуждения.

Таблица 12. Дериваты от *якӑл-* {jakøl-} ‘начинать чесаться’

Table 12. Derivatives of *якӑл-* {jakøl-} ‘start itching’

	{jakøla}	{jakølO}			{jakølyo}	
	ИО=GFS=CNG jakʌla	ИО [11] jakʌlʌ	CNG jakʌlu	GFS jakʌli	ИО jakʌlʲo	CNG jakʌlʲu
DUR	jakʌlambi	jakʌlbi				
IPFV	jakʌlani?	jakʌlni?		jakʌlini?	jakʌlʲoni?	
FREQ	jakʌlor	jakʌlor	jakʌlur	jakʌlir	jakʌlʲor	jakʌlʲur
ITER	jakʌlaŋgʌ:	jakʌlŋgʌ:	jakʌluŋgʌ:	jakʌliŋgʌ:	jakʌlʲoŋgʌ:	jakʌlʲuŋgʌ:

[11] В этих формах мы предполагаем редукцию *-ø* до °: {jakøl°bi} [jakʌlbi].

Таблица 13. Дериваты от *хӑвнӑл-* {xøw°nøl-} ‘начинать идти (о дожде)’

Table 13. Derivatives of *хӑвнӑл-* {xøw°nøl-} ‘start raining’

	{xøw°nøla}	xøw°nølO}			{xøw°nølyo}	
	ИО=GFS=CNG xʌwnʌla	ИО xʌwnʌlʌ	CNG xʌwnʌlu	GFS xʌwnʌli	ИО xʌwnʌlʲo	CNG xʌwnʌlʲu
DUR		xʌwnʌlbi				
IPFV	xʌwnʌlaniʔ	xʌwnʌlniʔ				
FREQ	xʌwnʌlor	xʌwnʌlor	xʌwnʌlur	xʌwnʌlir	xʌwnʌlʲor	xʌwnʌlʲur
ITER	xʌwnʌlaŋgʌ:	xʌwnʌlŋgʌ:	xʌwnʌluŋgʌ:	xʌwnʌliŋgʌ:		

Таблица 14. Дериваты от *ходол-* {xodol-} ‘начинать кашлять’

Table 14. Derivatives of *ходол-* {xodol-} ‘start caughing’

	{xodola}	{xodolO}			{xodolyo}	
	ИО=GFS=CNG xodola	ИО xodolʌ	CNG xodolu	GFS xodoli	ИО xodolʲo	CNG xodolʲu
DUR	xodolambi					
IPFV	xodolaniʔ			xodoliniʔ		
FREQ			xodolur	xodolir	xodolʲor	xodolʲur
ITER	xodolaŋgʌ:		xodoluŋgʌ:	xodoliŋgʌ:	xodolʲoŋgʌ:	

7. Заключение

Предшествующее обсуждение представляется небесполезным в нескольких отношениях. Во-первых, оно показывает, что варьирование ауслаута — явление значительно более масштабное, чем мы привыкли думать. Многие глаголы, образуемые в рамках четырехчленного противопоставления *-а*, *-ø*^{ʌ}, *-ø*^{i} и *-у(о)*, не зарегистрированы в имеющихся материалах по ненецкому языку, даже наиболее полных — [Терещенко 1965] и [Salminen 1998]. Наличие этого противопоставления у продуктивных дериватов, таких, как инхоатив, каузатив и т. д., осталось и вовсе практически незамеченным. Во-вторых, становится ясно, что это явление невозможно анализировать в терминах (мор)фонологических чередований. Мы имеем дело с продуктивной деривационной морфологией, с помощью которой создаются отдельные лексические

единицы. В-третьих, характерное для противопоставленных по ауслауту глаголов морфологическое поведение позволяет сделать новые обобщения о роли глагольных основ (исходной, общей финитной и конегативной) в деривационно-морфологических процессах. Один из основных результатов *Раздела 6*, в частности, состоит в том, что все эти основы задействованы не только в словоизменении, но и в образовании продуктивных дериватов.

Успех любого проекта, предполагающего выделение в исследуемом языке особого класса морфологических единиц, конечно, в большой степени зависит от того, насколько этим единицам возможно приписать семантическое содержание. Этот сюжет выходит за пределы настоящих заметок и освещается в [Татевосов 2018]. Сжатое содержание этой работы состоит в следующем.

Если предполагать, что событийно-структурные типы предикатов ненецкого языка содержат единицы, относящиеся к классам состояний, деятельностей и свершений, то можно отметить, что альтернирующие и неальтернирующие ауслауты имеют разную дистрибуцию по отношению к этим классам. Неальтернирующие *-a* и *-ø*^{A} совместимы с любыми событийно-структурными конфигурациями. В отличие от них, альтернирующие показатели имеют более ограниченную дистрибуцию. Глаголы с *-(y)o* вычленяют результирующее подсобытие в исходной структуре предиката. Это событие может иметь дескриптивные свойства как состояния, так и деятельности. Глаголы с *-ø*^{i} также описывают состояние или деятельность, однако в этом случае оно вводится в рассмотрение как непроизводное, не вычленяющееся из более сложной событийной структуры.

Приложение. Глагольная база данных ненецкого языка

База данных по деривационной морфологии ненецкого языка, содержащая информацию о примерно 2600 лексических единицах, — продукт коллективной работы ненецкой лингвистической экспедиции Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 2003–2005 гг. В разные годы над ней работали Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов,

Екатерина Лютикова, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Разработку и техническую поддержку базы данных проводил Денис Иванов.

Целью проекта было углубленное исследование деривационной морфологии ненецкого языка, предполагающее найти ответ на два основополагающих вопроса.

i. Что происходит с актантной структурой и акциональностью глагола при присоединении деривационных морфем?
ii. Каковы ограничения на присоединение деривационных морфем?

База данных, таким образом, разрабатывалась как инструмент для накопления информации о том, является ли комбинация основы S и деривационной морфемы D возможной, то есть корректно построенной и интерпретируемой. Для каждой возможной комбинации S+D база данных содержит информацию о ее актантной структуре и акциональности.

Практическая работа по наполнению базы данных складывалась из следующих шагов.

1. Создание выборки непроизводных основ, отражающих основные актантные и акциональные типы ненецких глаголов.
2. Для каждой основы — выявление ее актантных и акциональных свойств.
3. Для каждой основы — выявление ее деривационного потенциала, то есть определение набора деривационных морфем, с которыми она способна комбинироваться.
4. Построение всех возможных дериватов от всех основ.
5. Добавление дериватов к выборке.
6. Повторение шагов 2–5 для новых единиц выборки.

О каждом элементе словника база данных содержит следующую информацию: лексический вход, глубина деривационной цепочки, фонологическая запись доступных глагольных основ (в формате Т. Салминена), наличие и акциональный тип каждого из спряжений, примеры с переводом, наличие дериватов каузативной зоны с примерами, наличие дериватов аспектуальной зоны с примерами, комментарии и примечания. Форма, соответствующая лексическому входу базы данных, показана на *Рисунке 1*.

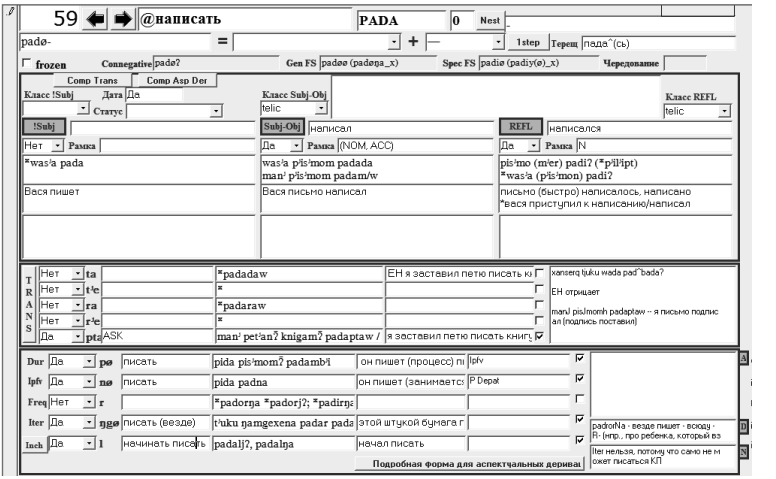

Рисунок 1. Лексический вход базы данных

Fig. 1. Lexical entry of the data base

Кроме того, информация в базе данных допускает представление в виде гнезда, которое иллюстрируется на *Рисунке 2*. Гнездовая форма содержит все дериваты от одной основы, показывающие для каждого элемента гнезда глубину деривационной цепочки, словообразовательную структуру основы и последний шаг деривации.

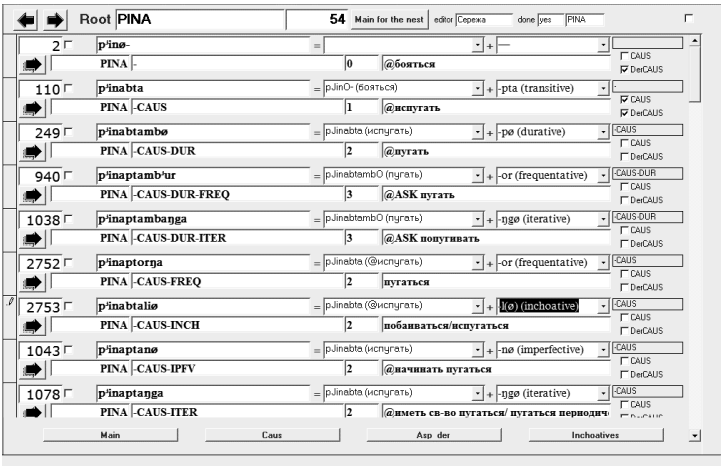

Рисунок 2. Деривационное гнездо

Fig. 2. Derivational cluster

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CNG — коннегатив; DAT — датив; DUR — дуратив; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; GFS — общая финитная основа; HAB — хабитуалис; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; M — непродуктивная деривация на *-m*; O — объектное спряжение; PL — множественное число; PST — прошедшее время; R — возвратное спряжение; S — субъектное спряжение; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; _V — основа с ауслаутом на V.

Литература

Буркова 2010 — С. И. Буркова. Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка // С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер и др. (сост.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Тюмень: БАСКО, 2010. С. 179–349.

Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на **-w* в самодийских языках // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 26–28 октября 2010. Новосибирск: Любава, 2010. С. 54–65.

Дудчук 2004 — Ф. А. Дудчук. Вопросы глагольного вида в ненецком языке. Технический отчет 2003–04.12. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004.

Татевосов 2016a — С. Г. Татевосов. Структура и интерпретация ненецкого глагола: Актантно-акциональные классы и типы спряжения // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 81–114.

Татевосов 2016b — С. Г. Татевосов. Глагольные классы и межъязыковое варьирование. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Татевосов 2017 — С. Г. Татевосов. Структура события и ненецкий глагол: заметки о актантно-акциональных свойствах Итератива // Linguistica Uralica. 2017. Vol. 53. № 3. С. 197–225.

Татевосов 2018 — С. Г. Татевосов. Событийно-структурная морфология в ненецком языке // Rhema. Рема. 2018. № 3. С. 88–118.

Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.

Терещенко 1960 — Н. М. Терещенко. О категории залога в самодийских языках // В. М. Жирмунский (ред.). Вопросы грамматики: Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 178–193.

Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко (сост.). Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.

Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л.: Наука, 1973.

Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. Ч. 2. С. 734–766.

Шлуинский 2004 — А. Б. Шлуинский. Аспектуальные деривации в малоземельском говоре тундрового диалекта ненецкого языка. Технический отчет 2003–06.22. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2004.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Kavitskaya, Staroverov 2010 — D. Kavitskaya, P. Staroverov. When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding // Phonology. 2010. Vol. 27. P. 1–34.

Körtvély 2005 — É. Körtvély. Verb conjugation in Tundra Nenets (Studia Uralo-Altaica. Vol. 46). Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, 2005.

Nikolaeva 2014 — I. A. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

Ristinen 1973a — E. K. Ristinen. Some remarks on the function of the subjective and objective conjugations in Samoyedic // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1973. Vol. 72. P. 337–347.

Ristinen 1973b — E. K. Ristinen. Observations on the Functions of the Conjugations in Samoyedic // Uralica. 1973. № 1. P. 11–38.

Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. A morphological dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. 26). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

References

Burkova 2010 — S. I. Burkova. Kratkiy grammaticheskiy ocherk vostochnykh govorov tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka [A brief grammar sketch of the Eastern varieties of the Tundra dialect of the Nenets language]. S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander et al. (comp.). *Dialektologicheskiy slovar nenetskogo yazyka* [The dialectological dictionary of the Nenets language]. Tyumen: BASKO, 2010. P. 179–349.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World.* Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems.* Oxford: Blackwell, 1985.

Dudchuk 2004 — F. A. Dudchuk. Voprosy glagolnogo vida v nenetskom yazyke. Tekhnicheskiy otchet 2003–04.12 [Aspect in Tundra Nenets. Techincal report 2003–04.12]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2004.

Gusev 2010 — V. Yu. Gusev. Stativy i dekauzativy na *-*w* v samodiyskikh yazykakh [Statives and anticausatives on *-*w* in Samoyedic languages]. S. I. Burkova (ed.).

Materialy 3-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po samodistike. Novosibirsk, 26–28 oktyabrya 2010 [Proceedings of the 3rd international conference on Samoyedic languages. Novosibirsk, 26–28 October 2010]. Novosibirsk: Lyubava, 2010. P. 54–65

Kavitskaya, Staroverov 2010 — D. Kavitskaya, P. Staroverov. When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding. *Phonology.* 2010. Vol. 27. P. 1–34.

Körtvély 2005 — É. Körtvély. *Verb conjugation in Tundra Nenets* (Studia Uralo-Altaica. Vol. 46). Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, 2005.

Nikolaeva 2014 — I. A. Nikolaeva. *A grammar of Trundra Nenets.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

Ristinen 1973a — E. K. Ristinen. Some remarks on the function of the subjective and objective conjugations in Samoyedic. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 72. P. 337–347.

Ristinen 1973b — E. K. Ristinen. Observations on the Functions of the Conjugations in Samoyedic. *Uralica.* 1973. No. 1. P. 11–38.

Salminen 1997 — T. Salminen. *Tundra Nenets inflection* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. *A morphological dictionary of Tundra Nenets* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. 26). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Shluinskiy 2004 — A. B. Shluinskiy. Aspektualnye derivatsii v malozemelskom govore tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka. Tekhnicheskiy otchet 2003–06.22 [Aspectual derivation in Trundra Nenets. Technical report 2003–06.22]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2004.

Tatevosov 2016a — S. G. Tatevosov. Struktura i interpretatsiya nenetskogo glagola: aktantno-aktsionalnye klassy i tipy spryazheniya [Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: eventuality types and conjugation classes]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2016. No. 3. P. 81–114.

Tatevosov 2016b — S. G. Tatevosov. *Glagolnye klassy i mezhyazykovoe varirovanie* [Verb classes and cross-linguistic variation] Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016.

Tatevosov 2017 — S. G. Tatevosov. Struktura sobytiya i nenetskiy glagol: zametki o aktantno-aktsionalnykh svoystvakh Iterativa [Event structure and Nenets verb: notes on argument projection and eventuality type of the Iterative]. *Linguistica Uralica.* 2017. Vol. 53. No. 3. P. 197–225.

Tatevosov 2018 — S. G. Tatevosov. Sobytiyno-strukturnaya morfologiya v nenetskom yazyke [Event-structural morphology in Tundra Nenets]. *Rhema. Rema*. 2018. No. 3. P. 88–118.

Tereshchenko 1947 — N. M. Tereshchenko. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [A sketch of the Nenets (Yurak-Samoyed) grammar]. Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1947.

Tereshchenko 1960 — N. M. Tereshchenko. O kategorii zaloga v samodiyskikh yazykakh [On the category of voice in Samoyedic languages]. V. M. Zhirmunskiy (red.). *Voprosy grammatiki: Sbornik statey k 75-letiyu akademika I. I. Meshchaninova*

[Grammar issues. Collection of papers dedicated to the 75th anniversary of academician I. I. Meshchaninov]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. P. 178–193.

Tereshchenko 1965 — N. M. Tereshchenko (comp.). *Nenetsko-russkiy slovar* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.

Tereshchenko 1973 — N. M. Tereshchenko. *Sintaksis samodiyskikh yazykov. Prostoe predlozhenie.* [Syntax of Samoyedic languages. Clause structure]. Leningrad: Nauka, 1973.

Urmanchieva 2013 — A. Yu. Urmanchieva. Obrazovanie form aorista v samodiyskikh yazykakh [Aorist formation in Samoyedic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2013. Vol. 9. Pt. 2. P. 734–766.